

Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка. Сборник статей, Устинов 1986 (Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР). 180 с.

Научно-исследовательский институт при Совете Министров УАССР поставил перед собою задачу в ближайшие 5—7 лет обновить и переиздать существующие описательные научные грамматики («Морфологию», «Синтаксис»), а также создать вновь «Фонетику» и «Лексикологию» современного удмуртского языка. Для осуществления поставленной цели публикуются специальные сборники исследований по малоизученным или неизученным вопросам фонетики, морфологии и синтаксиса удмуртского языка.

По сравнению с предыдущим (1984 г.) тематика рецензируемого сборника значительно расширилась, пополнился круг его авторов. Если в первом сборнике участвовало 10 авторов, то данный содержит работы 14 различных авторов — всего 15 статей, посвященных разным вопросам удмуртского языка: фонетики, морфологии, синтаксиса и словообразования.

В статье А. М. Акмарова («Релевантные слагаемые качества удмуртской речи») в сопоставлении с русским языком анализируются основные релевантные переменные качества удмуртской речи и выделяются следующие признаки: 1) устойчивость качества и отсутствие редукции в системе гласных, 2) отсутствие палатализации согласных звуков, 3) повышение тона на заядерной части интонационного контура общего вопроса и растянутое произнесение вопросительной частицы *-а*, 4) замедленный темп речи, 5) монотонный силлабический ритм речи, 6) более напряженная артикуляционная база; 7) преобладание голосов высокой тональности (ртовых голосов).

В. Н. Денисов («К проблеме акцентуации в современном удмуртском языке») дает критический обзор имеющейся литературы об удмуртском ударении и в широком лингвистическом плане с привлечением данных мордовских, марийского, коми языков делает попытку определить природу удмуртского ударения и объяснить причину перенесения его на последний слог.

Г. А. Архипов («Аффиксальное образование наречий») подробно анализирует

деривационные аффиксы наречий *-и*, *-а*, *-тас/таз*, *-тэ*, *-дэ*, до сих пор слабо или совершенно не разработанные в лингвистической литературе. К сожалению, при рассмотрении отдельных суффиксов, например *-и*, *-а* и т. п., нераскрытыми остались их грамматические значения и не приведены исторические экскурсы с целью выявления их происхождения.

В удмуртском языке наличествуют и широко употребляются сложные формы прошедших времен. В статье Б. Ш. Загуляевой («Прошедшее длительное и прошедшее многократное время глаголов в удмуртском языке») рассматриваются указанные формы времен с точки зрения частотности их употребления. Анализируя художественные произведения ведущих писателей Удмуртии (Кедра Митрея, Г. Д. Красильникова, М. Лямина, Г. Медведева, Г. Перевошикова), автор приходит к выводу, что сложные формы прошедшего длительного времени получили в удмуртском языке довольно широкое употребление, в то время как сложные формы многократного времени законсервировались лишь в форме 3-го лица и получили весьма ограниченное употребление. По мнению Б. Ш. Загуляевой, употребление форм прошедшего многократного времени настолько ограничено, что они «находятся на грани исчезновения». Нам кажется, что с таким мнением нельзя согласиться. Прошедшее многократное обозначает действие, совершавшееся не единожды в далеком прошлом, поэтому форма употребляется главным образом в тех случаях, когда речь идет о прошлых исторических событиях и явлениях. А такие давно совершившиеся исторические или иные события и жизненные ситуации обычно передаются в форме 3-го лица и практикуется такая передача сама по себе не часто. Поэтому и в художественных произведениях эта форма часто употреблялась не могла.

М. К. Ильина («Об отрицании в удмуртском языке») впервые попыталась системно описать категорию отрицания в удмуртском языке. Основываясь на примерах, извлеченных из художественной

литературы, она показывает, что в качестве средств выражения отрицания в удмуртском языке могут выступать препозитивный элемент *но-* (диал. *не-, нено-*) (по автору — приставка), суффиксы *-тэк, -тэм, -тэ (-мтэ)*, глаголы-частицы *уг, уд, уз, ум, ой, öd, öз, öм, эн*, слова-частицы *öвöl* 'нет, не', *медаз, медам, медад* 'пусть не' и частица *не* 'не'. К сожалению, в статье имеются некоторые неточности, требующие несколько иного толкования вопроса. В частности, автор утверждает, что *öвöl* может сочетаться с послелогами (с. 76). Такое утверждение не соответствует действительности, так как *öвöl* сочетается, как явствует из примеров, с существительными и местоимениями, употребленными с послелогами (с. 76). Говоря о сочетании *öвöl* с модальными словами, автор не иллюстрирует сказанное примерами (с. 74). На наш взгляд, недостаточно глубоко проанализированы также грамматические значения, функции и особенности употребления глаголов-частиц в удмуртском языке, следовало остановиться на объяснении происхождения основных средств отрицания в удмуртском языке, поскольку такому специальному анализу данный вопрос подвергается впервые.

Весьма благоприятное впечатление производит статья Л. И. Калинной («Причастия на *-мон* в удмуртском языке»), где детально описаны залоговые, видовые и иные грамматические значения причастий и дан исчерпывающий дистрибутивный анализ отглагольных форм на *-мон* в удмуртском языке. Довольно полно и достаточно критически использована имеющаяся научная литература как отечественных, так и зарубежных ученых.

В удмуртском языкознании к слабо разработанным вопросам относятся категории вида и залога глаголов. Рассмотрению их посвящены статьи М. К. Каракуловой («Семантические аналоги русской глагольной приставки (с чистовидовым значением) в удмуртском языке») и Г. А. Ушакова («К вопросу о залоговых значениях глаголов»). Первая имеет лишь сопоставительный план и с точки зрения разработки удмуртской категории вида большого интереса не представляет. К тому же автор допускает двоякое обозначение суффикса многократности и глаголов спряжения *-ыл* и *-лы* (с. 102—103). Трудно понять, каким же суффиксом вы-

ражается многократный вид глаголов первого спряжения в удмуртском языке? Г. А. Ушаков пытается решить затронутый в статье вопрос по-новому. До сих пор в удмуртском языке выделяли четыре залога: действительный, возвратный, страдательный и понудительный. Тщательно проанализировав грамматические формы выражения залогов и раскрыв их значения, автор выделил в удмуртском языке два залоговых противопоставления: действительный — возвратный и понудительный — непонудительный. На наш взгляд, вместо термина «действительный — возвратный» целесообразнее употребить «невозвратный — возвратный».

Три статьи посвящены разработке вопросов удмуртского синтаксиса.

В небольшой, но весьма содержательной статье Б. А. Серебrenникова («Синтаксис древнеудмуртского языка — синтаксис тюрко-татарского типа») на конкретном иллюстративном материале показано, что господствующим в синтаксисе древнего удмуртского языка было простое предложение. Семантическими аналогами русских придаточных предложений были причастные и деепричастные конструкции с послеложными именами. Глагол в древнем удмуртском языке занимал конечную позицию, все определения, относящиеся как к существительному, так и к глагольной форме, находились в препозиции. Наблюдающиеся в настоящее время нарушения порядка слов в предложениях Б. А. Серебrenников склонен объяснять влиянием синтаксической конструкции русского языка.

В двух статьях сборника анализируются основные средства выражения синтаксических связей в удмуртском простом предложении (Г. А. Тронина) и наиболее распространенные грамматические категории синтаксиса в удмуртском языке, такие как категория модальности и лица (Г. А. Ушаков).

В статье А. М. Акмарова и Н. В. Юдиной на материале экспериментальных данных рассматривается интонация общего вопроса в удмуртском языке и делается вывод, что общевопросительные предложения произносятся нисходящей или восходящей мелодией. Общий вопрос, произнесенный нисходящей мелодией, имеет деловой тон, заданный восходящей мелодией вопрос менее категори-

чен, может быть снабжен оттенком неуверенности в положительном ответе на него. Шкала нисходящей мелодии понижается не плавно, а имеет как бы впадины и возвышения в местах тональных минимумов и максимумов. В тональной группе общего вопроса выделяется термальный тон: он реализуется на последнем ударении слога и вопросительной частице *-a*.

Заканчивается сборник обзорной статьёй В. М. Вахрушева, где приводятся работы как зарубежных, так и отечественных лингвистов по изучению грамма-

тического строя — морфологии и синтаксиса — удмуртского языка.

В целом рецензируемый сборник производит весьма благоприятное впечатление. Он окажет большую помощь лингвистам при написании отдельных разделов научной грамматики удмуртского языка и может быть использован другими специалистами — финно-угроведами, а также преподавателями удмуртского и русского языков в школах и вузах Удмуртской АССР.

И. В. ТАРАКАНОВ (Устинов)